

Давид Лагеркранц

1

Когда он решился на это?

Он сам не смог бы ответить на этот вопрос. Но как только сомнения улеглись, став чем-то вроде отдаленного зова, парализующая тяжесть в теле сменилась пульсирующим возбуждением, которого ему так не хватало. Жизнь снова забила ключом. Два синих ведра в мастерской вдруг замерцали, как будто на их поверхностях заиграл солнечный лучик. И каждое наблюдение вмещало теперь целую вселенную, разворачиваясь в цепочку идей и событий, любая попытка осознать которые представлялась бессмысленной дерзостью.

Картинки, реальные и воображаемые, наслаивались одна на другую. Он задыхался, но, несмотря на это, решение умереть как будто придало ему силы.

Перед ним на серой столешнице, покрытой пятнами, выбоинами и прожженной во многих местах, стояли нагревательная плита и несколько бутылок с чем-то вязким и черным. Тут же лежала позолоченная ложка, которой предназначалась своя роль в этой истории.

А дождь все шел и шел. Никогда на его памяти не разверзались так на Троицу хляби небесные, и это, возможно, тоже способствовало принятию рокового решения.

Собственно, для этого было бы достаточно самого ничтожного повода. Вроде досаждавшей ему сенной лихорадки или того, что соседям мистеру и миссис Уэбб именно в тот день вздумалось уехать в Стилл, после чего жизнь в округе как будто замерла — по крайней

мере, переместилась в другое место, куда его не пригласили. Для него не впервой было расстраиваться из-за этого. С другой стороны, повседневная суета и в самом деле трогала его меньше, чем любого, пусть даже самого черствого из простых смертных. И дело даже не в том, что эта неуязвимость имела свои пределы. Просто она отличалась крайней неустойчивостью и могла обратиться в дым внезапно и от любой мелочи, делая его беззащитным перед собственными безумными идеями.

Вот и сейчас желание оставить этот мир было связано с одним эпизодом из детского фильма о веселых гномах, который он вдруг вспомнил. Ирония? Но ее всегда хватало в его жизни, равно как и парадоксов.

Он был героем войны и ускорил ее конец. Он глубже кого бы то ни было проник в тайны мысли и интеллекта, но не справился с собственной жизнью. Поэтому был подвергнут принудительному лечению. А не так давно его напугала балаганная гадалка из Блэкпула, да так, что он ни с кем не мог разговаривать остаток дня.

И что теперь ему было делать?

Он подсоединил два свисающих с потолка кабеля к трансформатору на столе и поставил на нагревательную плиту котелок с черным месивом. Потом переоделся в голубую пижаму и взял яблоко из стоявшей на книжной полке голубой вазочки. Он имел привычку съесть яблоко перед сном. Он вообще любил яблоки, не только за вкус. В них было нечто такое... впрочем, какая теперь разница? Он разрезал яблоко на две половинки, вернулся в мастерскую и... вдруг осознал все. Отвернулся к окну. Подумал, что во всем этом нет ничего удивительного, сам не понимая, что имеет в виду.

Затем он вспомнил мать, Этель. Которая совершенно не понимала, чем он занимается, что, конечно, не мешает ей когда-нибудь написать о нем книгу. Жизнь сына сплошь состояла из непонятной ей математики. И тайн. Он был другим. Кроме того, в ее понимании он

был слишком молод. Красотой он никогда не блистал и порядком сдал физически после суда в Натсфорде, тем не менее выглядел не так плохо.

Неуместные мысли приходили к нему давно. Он мучился ими еще в том возрасте, когда не умел отличить правое от левого и полагал, что Рождество может прийти к нам в любое время, когда раньше, когда позже, как и все остальные веселые праздники.

Он стал математиком, посвятившим себя такому прозаическому ремеслу, как инженерное дело. Но кроме того — оригинальным мыслителем, как никто другой осознавшим механическую природу нашего интеллекта. По крайней мере, разложимость его на ряды длинных и запутанных мыслительных цепей.

И теперь вот ему не хватает сил пережить этот июньский день. Такие вещи понять матерям особенно трудно. Поэтому он и начинает приготовления, которые потом, возможно, покажутся кому-то излишне долгими и запутанными. Это потому, что его постоянно что-нибудь отвлекало. Иногда ему слышались хруст гравия и чьи-то шаги под дверью. И тогда в голову приходила абсурдная мысль: это явился кто-то с хорошими вестями. Вероятно, издалека — из самой Индии или из прошлой жизни. Он усмехался или фыркал — трудно сказать — и возвращался к своим приготовлениям. Звуки снаружи, кроме шума дождя, стихали, а в голове все сидела навязчивая мысль: за дверью друг, которого стоило бы выслушать.

Он вышел в коридор, обогнул стол, воспринимая происходящее с ясностью, которая в другой день восхитила бы его. Нетвердой походкой лунатика направился к спальне. На ночном столике лежали номер журнала «Обозреватель» и наручные часы с черным кожаным ремешком. Он положил рядом половинку яблока. Потом подумал о луне, которая стояла низко за зданием школы в Шерборне, и лег на кровать на спину. Он выглядел спокойным и сосредоточенным.

Дождь не прекратился и на следующий день. Тем не менее шедший вдоль Эдлингтон-роуд Леонард Корелл снял шляпу трилби. Ему стало жарко, несмотря на хлещущие струи. Больше всего на свете молодой помощник инспектора криминальной полиции хотел бы сейчас залечь в постель. Но не ту, что стелил себе в убогой квартире в Уилмслоу, а в ту, что ждала его в доме тети в Натсфорде.

Размечтавшись, Корелл склонил голову к плечу, будто засыпая. Он не любил свою работу — из-за скромного жалования и огромного объема бумажной отчетности. Но главное — из-за этого проклятого Уилмслоу, где никогда ничего не происходило. И все-таки по-настоящему опустошенным он почувствовал себя только сейчас.

По телефону горничная говорила о белой пене во круг рта покойного и ядовитом запахе в доме. Еще несколько лет назад этого было бы более чем достаточно, чтобы пробудить Корелла к жизни. Теперь же он со скучающим видом мерил шагами Эдлингтон-роуд, старательно обходя мутные лужи. Дорогу обрамляли заросли кустарника, за которыми тянулись поля, пересеченные железнодорожными путями. Был вторник, 8 июня 1954 года.

Корелл вглядывался в щитки на домах. Прочитав на одном из них «Холлимид», шагнул с дороги влево и оказался возле огромной ивы, растрепанной и старой, как выдавшая виды метла. Здесь он остановился и без всякой необходимости подтянул шнурки на ботинках.

От ворот тянулась мощенная плиткой дорожка, внезапно обрывавшаяся посредине двора. У левой из двух ведущих в дом дверей стояла пожилая женщина.

— Вы горничная? — обратился к ней полицейский.

Старушка кивнула, подняв на него усталые бесцветные глаза.

Еще несколько лет назад Корелл похлопал бы ее по плечу, сказал бы что-нибудь ободряющее. Теперь же только озлобленно скуксился, переступая следом за старушкой порог дома.

Молодой человек не чувствовал ни азарта, ни любопытства, ни вообще какого-либо желания вникать в это дело. Ничего, кроме раздражения и опустошенности.

Покойника он почувствовал уже в прихожей. Не запах даже, но некое сгущение в воздухе, заставившее молодого полицейского прикрыть глаза. В комнате его вдруг одолели совершенно не подобающие обстоятельства мысли сексуального характера. Корелл открыл глаза, но странные фантазии продолжали витать в воздухе, делая происходящее похожим на сон. Они развеялись сразу, как только в поле зрения полицейского попала узкая, почти детская кровать с лежавшим на спине мертвым мужчиной.

Покойник был темноволос, на вид лет тридцати. В уголках его рта проступила белая пена, которая засохла на щеках, оставив похожие на пудру разводы. Глубоко посаженные под выступающим лбом глаза оставались полуоткрыты. Выражение лица вряд ли можно было назвать умиротворенным. В нем чувствовалось отчаяние.

Кореллу стало не по себе. Он и сам удивился, что не смог сохранить обычное для него в таких ситуациях хладнокровие. Ведь представшее его глазам зрелище едва ли можно было назвать кошмарным. Поэтому молодой человек не мог взять в толк, что именно явилось причиной его душевного дискомфорта. Может, спертый воздух или витавший в комнате запах горького миндаля?

Корелл оглянулся на окно, выходящее в сад. Он попробовал снова вызвать в воображении недавние сексуальные фантазии, но ничего не получилось. Вместо этого его взгляд упал на половинку яблока на ночном столике возле кровати, и Корелл вдруг подумал о том, что терпеть не может фрукты.

Сама по себе эта мысль показалась ему более чем странной. Он никогда ничего не имел против яблок. Да и кто может что-либо иметь против них?

Корелл достал блокнот из нагрудного кармана куртки.

«Положение тела близко к нормальному», — отметил он в блокноте и задумался. Формулировка показалась полицейскому недостаточно изящной, хотя вполне годилась для протокола. «Если не смотреть на лицо, можно подумать, что он спит...» Корелл набросал еще несколько строчек, которыми тоже остался недоволен, и только после этого приступил к осмотру трупа.

Покойный имел сухощавое, мускулистое тело с удивительно мягкой, почти женской грудью. Корелл, как ни вглядывался, не смог обнаружить ни синяка, ни царапины — ни малейшего следа физического насилия. Настораживали разве кончики пальцев покойного, выпачканные чем-то черным, да эта белая пена у рта. Полицейский принялся — и только сейчас понял причину своего недомогания. В нос ему ударил запах горького миндаля, да так, что Корелл был вынужден срочно ретироваться в холл.

В дальнем конце коридора он заметил нечто странное. У стены с выходящим в сад крохотным окошком с потолка свисали два кабеля и стоял стол с чем-то похожим на дымящийся котелок. Корелл приблизился, отогнав как абсурдную мысль о возможной опасности. В этом углу располагалось нечто вроде мастерской или лаборатории. Корелл увидел трансформатор с клеммами для кабелей. На столе стояли бутылки, банки, горшки и котелок. Ничто на первый взгляд не представляло угрозы. Разве этот буквально проникающий под кожу запах... Корелл склонился над котелком. На дне его бурлила отвратительная вязкая жидкость, заставившая молодого полицейского вспомнить детство и мчавшийся сквозь ночь поезд. Корелл уперся руками в стол, нагнулся и втянул в себя едкий запах, после чего тут же поспешил в соседнюю комнату и открыл окно.

Дождь все еще лил, но Корелла это больше не раздражало. Едкий запах развеялся вместе с неприятными воспоминаниями, и в доме снова повеяло покоем. В целом в его обстановке чувствовалось нечто божественное. Мебель производила впечатление дорогой, но была расставлена без какого-либо видимого порядка или плана. При этом семьи у покойного, похоже, не было. Во всяком случае, никаких следов пребывания в доме женщины или детей Корелл не заметил. На подоконнике лежала записная книжка, исписанная математическими формулами и уравнениями. Возможно, несколько лет назад помощник инспектора понял бы во всем этом больше, но теперь лишь бездумно глазел на исписанные страницы, раздражаясь по поводу небрежного почерка и многочисленных чернильных пятен и, возможно, испытывая нечто вроде зависти.

Расстроенный, он обратился к стоявшему справа от окна стеклянному шкафу. Там обнаружили винные бокалы, серебряный столовый прибор, маленькая фарфоровая птичка и бутылочка все с тем же вязким черным содержимым. Сосуд был помечен этикеткой: «Цианистый калий».

«Вот то, что мне нужно!» — воскликнул про себя Корелл и поспешил в комнату, где лежало яблоко. Поднес его к носу — плод источал тот же запах, что и содержимое котелка и бутылочки.

— Мисс, эй, где вы там? — позвал Корелл.

Далеко не сразу в ответ послышались тяжелые шаги. Горничная переступила через порог и уставилась на полицейского, вопросительно поджав губы.

— Как, вы сказали, звали хозяина дома?

— Доктор Алан Тьюринг.

Корелл чиркнул пару строк в блокноте, отметив про себя, что имя показалось ему знакомым. Во всяком случае, вызывало смутные воспоминания, как и многое в этом доме.

— И он ничего после себя не оставил?

- Что вы имеете в виду?
- Ну... письмо или записку, где что-нибудь объяснялось бы?
- Вы полагаете, он должен был...
- Я всего лишь задал вопрос, — строго оборвал женщину Корелл. И, заметив ее испуг, продолжил как мог мягче: — Вы хорошо его знали?
- Да или... нет... Доктор Тьюринг всегда был добр ко мне.
- Он болел?
- Да... сенная лихорадка. Обычно он мучился ею по весне.
- Вы знали, что он работает с ядами?
- Нет, нет... Боже сохрани... Но мистер Тьюринг занимался научными исследованиями... Разве это непременно должно означать...
- Все зависит от того, что за исследования.
- Мистер Тьюринг интересовался многим.
- Алан Тьюринг... — медленно повторил Корелл. — Он чем-нибудь знаменит?
- Хозяин работал в университете.
- Чем он там занимался?
- Математикой.
- В какой именно области математики работал мистер Тьюринг?
- Вы меня об этом спрашиваете?

Она подняла на него глаза. Корелл мельком взглянул на женщину и вышел в коридор, а потом во двор.

Алан Тьюринг... Безусловно, это имя о чем-то ему говорило, причем о чем-то неприятном. Похоже, парень сделал какую-то глупость. Стоило навести о нем справки в участке.

Корелл рассеянно обошел дом, снова направился в комнату, где лежало тело, и принялся за сбор доказательств. Точнее, имеющихся материалов, называть которые доказательствами было бы преждевременно.

Итак, в распоряжении молодого полицейского имелись бутылочка с ядом из стеклянного шкафа, посуда из лаборатории, или мастерской, несколько блокнотов с расчетами и три тетради в твердых переплетах, на каждом из которых было от руки написано: «Сны».

На первом этаже Корелл нашел расстроенную скрипку и роман «Анна Каренина»; помощник инспектора открыл его и прочитал первые несколько строк. Кроме Толстого, из знакомых Леонарду авторов в доме обнаружили Форстер, Орвилл и Батлер с Троллопом¹. Корелл увлекся книгами и снова — что случалось с ним нередко — забыл о расследовании, когда раздался стук в дверь.

Это был Алек Блок, коллега Леонарда. Они давно и тесно работали вместе, но знали друг друга на удивление плохо. Блока не уважали в участке за скромность и пугливость — вот, пожалуй, все, что мог бы сказать о нем Корелл. Да и, пожалуй, еще самое главное — Блок был рыжий и весь покрыт веснушками.

— Похоже, он вскипятил себе яд в той кастрюльке, капнул на яблоко и пару раз откусил, — пояснил Корелл.

— Самоубийство?

— По всей видимости, — помощник инспектора кивнул. — Мне плохо от этого запаха. Можешь обыскать дом на предмет предсмертного письма или чего-нибудь в этом роде?

Когда коллега удалился, Корелл снова вспомнил детство и ночной поезд, что совсем не способствовало подъему духа. На лестнице он столкнулся с горничной.

— Мне нужно будет побеседовать с вами более обстоятельно, — сказал Корелл старушке. — Но сейчас

¹ Эдвард Форстер (1879–1970) — английский романист и эссеист; Сэмюэл Батлер (1835–1902), Энтони Троллоп (1915–1882) — английские романисты Викторианской эпохи; Уильям Орвилл (1898–1980) — американский писатель, юрист.

я просил бы вас удалиться. Мы с коллегой должны опечатать дом.

В прихожей молодой полицейский снял с вешалки зонтик доктора Тьюринга, усмехнувшись про себя в ответ на протесты горничной. Он не стал ей перечить и повесил вещицу на место — старушка как-никак проявляла уважение к памяти хозяина. Но выйти из дома без зонта в такую погоду представлялось совершенно невозможным.

Во дворе Леонард еще раз обошел дом и снова прощмыгнул в дверь с другой стороны. На этот раз возле кровати с трупом обнаружился номер журнала «Обсервер» от 7 июня, что указывало на то, что еще вчера Тьюринг был жив. Корелл снова открыл записную книжку. Просматривая тетради с вычислениями, подавил в себе желание разобраться во всем этом и продолжить расчеты за профессора. Корелл никогда не умел как следует сосредоточиться на чем-нибудь одном.

Очевидно, у коллеги Блока с этим обстояло куда лучше. Судя по его лицу, во всяком случае, он нашел что-то интересное. Нет, не предсмертную записку. Скорее нечто ей противоположное. А именно — два билета в театр на следующую неделю и приглашение на заседание Академии наук на 24 июня, на которое Тьюринг ответил согласием. Блок понимал, что его просили не об этом, но надеялся, что его находки зададут расследованию новое направление. Но Корелла, который напрочь отказывался принимать в расчет версию убийства, они скорее расстроили.

— Это ничего не значит, — пробурчал он.

— Почему это?

— Люди слишком часто поступают вопреки логике.

— То есть?

— Даже тот, кто собирается умереть, может строить планы на будущее. У всех нас семь пятниц на неделе. Кроме того, мысль о самоубийстве могла прийти позже.

— Да... Тем более что Тьюринг, по-видимому, был человек очень непростой. Большой ученый.

— Похоже на то.

— Я в жизни не видел столько книг в одном месте.

— Я видел и больше, — возразил Корелл. — Но дело не в этом.

— А в чем?

— Сам не знаю. Что-то здесь не так... Ты отключил плиту на втором этаже?

Алек Блок кивнул. Он как будто собирался что-то сказать, но не мог решиться.

— А что... в этом доме так много яда? — осторожно спросил он.

— Да.

Яда было достаточно, чтобы отправить на тот свет несколько десятков человек. Они поговорили на эту тему, но так ни к чему и не пришли.

— Такое впечатление, что он разыгрывал из себя алхимика... Ну, или золотых дел мастера, — заметил вдруг Блок.

— Ты о чем?

Тут Блок объяснил, что нашел в мастерской позолоченную ложку.

— Тонкой работы вещица, — добавил он. — И, похоже, Тьюринг сделал ее сам... Можешь посмотреть там, наверху.

— В самом деле? — рассеянно переспросил Корелл.

Он уже почти не слушал коллегу, погрузившись в свои мысли.

3

Еще в годы войны Корелл понял, что безумие ощущается на расстоянии как некое сгущение воздуха или даже запах, причем совсем не обязательно горького миндаля. И теперь, выйдя на дождь, он почти не сомневался: то, с чем он столкнулся в этом доме, было не чем иным, как хорошо замаскированным безумием. Неприятное чув-